

deutschen und englischen Sprache und das zweite der russischen Sprache vorbehalten sind. Auf der Suche nach einem bestimmten enzischen Wort ist aber das dritte Register am wichtigsten und zwar das Register der grammatischen Formen mit gleichartigen Verweisungen. Um das dritte Register ein wenig zu charakterisieren, wenden wir uns nun dem bereits erwähnten Code 1.11.2 zu: Verweis 1 des Wortartikel zeigt an, daß wir den Prädestinativ Nominativ Singular mit dem Possessivsuffix der 2. Person des Singulars im Falle von mit *a-*, *b-* und *č-* anlautenden Wortartikeln in dem uns bereits bekannten 1. Wortartikel finden können, unter den mit *d'*-anlautenden fehlen diese, bei mit *ε-*, *f-* und *i-* beginnenden im 716. Wortartikel, unter den mit *k-*, *l-*, *l'-*, *m-*, *n-*, *ñ* und *ŋ-* beginnenden fehlen sie, bei mit *v-* beginnenden im 2014. Wortartikel, unter den mit *r-*, *s-* und *ś-* beginnenden fehlen sie, bei mit *t-* und *u-* beginnenden im

2482. Wortartikel. Die Anordnung des Registers der grammatischen Formen gruppenweise nach den Anlauten — insgesamt zehn Gruppen (z.B. die Gruppe *a-b-č*) — hat es bei grammatischen Formen mit häufigem Vorkommen ermöglicht, die Aufzählung der Artikelverweise zu verkürzen, aber auf der Suche nach einer morphologischen Form muß man an zehn verschiedenen Stellen im Register nachsehen.

Und schließlich kann ja jede Sache immer noch besser gemacht werden. Es gibt aber keinen Zweifel daran, daß das morphologische Wörterbuch des Enzischen von Tibor Mikola das Ergebnis der großen Arbeit eines herausragenden Erforschers der samojedischen Sprachen ist und somit ein unschätzbare Material für alle Uralisten darstellt, die sich in irgendeiner Weise für die enzische Sprache interessieren und dabei besonders die Morphologie dieser Sprache im Blickfeld haben.

AGO KÜNNAP (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1996.3.12>

Н. Г. Кузнецова, Асимметричные явления и развитие селькупской глагольной парадигмы. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1996.

25 апреля 1996 г. на заседании специализированного совета Д 064.44.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита диссертации Надежды Геньевны Кузнецовой по специальности 10.02.07. «Финно-угорские и самодийские языки». Работа Н. Г. Кузнецовой выполнена в секторе языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН в Новосибирске (научный консультант — доктор филологических наук профессор М. И. Черемисина). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессора А. И. Кузнецова (Москва), А. П. Володин (С.-Петербург) и Н. И. Исанбаев (Йошкар-Ола); внешний отзыв получен из Института языкознания РАН (Москва).

Рассматриваемая работа Н. Г. Кузнецовой — яркий пример того, как на базе реально описываемого языка рождается новая теория

морфологического анализа. Развиваемая автором концепция построения общеселькупской модели глагольной системы и определение с привлечением асимметричных явлений основных линий развития селькупской глагольной системы от этой модели демонстрируют органическое сочетание определенной теоретической гипотезы с глубокой проработкой фактических данных, подтверждающих гипотезу не на выборочном материале, а на всем корпусе исследованных фактов. Самой ценной особенностью работы оказывается обобщенное описание селькупской глагольной парадигмы с учетом диалектов селькупского языка, выполненное на единых и достаточно последовательных основаниях, свидетельствующих о том, что предлагаемый автором теоретический подход к явлениям морфологии оправдывает себя. Хочется специально подчеркнуть, что впечатляет прежде всего дескриптивная часть, проработанный в ней материал, его богатство.

Актуальность и новизна исследования несомненны. Н. Г. Кузнецова предлагает новую модель морфологического описания в виде асимметричных явлений в селькупской глагольной парадигме. Если судить по общему заглавию, работа должна быть посвящена изучению асимметричных явлений в селькупском глаголе и развитию глагольной парадигмы. На самом деле, автор реконструирует, исходя из расхождений в синхронном состоянии различных диалектов селькупского языка, общеселькупскую модель глагольной системы, хронологически отнесенной ею к периоду, наступившему сразу после распада прасамодийской общности, т.е. к I тыс. н.э.

Рецензируемый труд является также первой попыткой приблизиться к синхронно-типологическому изучению глагола на материале различных языков уральской, алтайской и особенно индоевропейской семей, сопоставлениями с которыми пестрит работа.

Структура исследования проста: после «Введения», где речь идет о цели, задачах работы, ее новизне, актуальности, методах исследования, материале и т.п., следуют восемь глав, из которых первая и последняя как бы теоретически обрамляют шесть практических глав, каждая из которых посвящена анализу какой-либо конкретной (одной или нескольких) глагольной категории. Завершают его «Закключение» и список использованной литературы (более 350 наименований).

В первой главе «Асимметричные явления в языке» (с. 17—38) речь идет об асимметрии системы и структуры, причем автор нигде не сообщает, как эти понятия ею различаются, в то время как взгляды на них могут быть (и бывают) разные. В связи с рассмотрением понятия асимметрии говорится об асимметричном дуализме, о функциональной асимметрии, о противопоставлении центра и периферии; здесь же поднимается вопрос о вариантности (свободном варьировании) как разновидности системной избыточности, о первичных и вторичных значениях и функциях; о понятии транспозиции и ее видах (метатеза, метафора, конверсия), о синонимии, полисемии, омонимии, синкретизме, о супплетивизме. К сожалению, обращаясь ко многим теоретическим понятиям, автор не высказала эксплицитно собственной точки зрения на

них и на взаимосвязанность всех или части упомянутых понятий. Между тем, с различных позиций одно и то же явление может быть истолковано по-разному. Приведу лишь частный пример. В языке избыточность всегда сопутствует экономии: избыточность и экономия составляют диалектическое единство. Соотношение экономии и избыточности зависит и от функционирования языковых единиц, и от их двуплановости, и от морфологического типа языка и т.п. То, что избыточно в плане содержания, будет экономно в плане выражения, и наоборот. Наличие дублированного тем или иным способом значения в слове или морфеме ведет к утрате (в силу потребности в экономии) одного из этих способов (и наоборот) (с. 238, 270 и др.). Проблемы экономии и избыточности связаны, с одной стороны, с вопросами функционирования языковой единицы (напр., слова или морфемы), с другой, с вопросом отождествления этой единицы (как билатеральной единицы языка) и установлением ее омонимичности или полисемантической (однако никаких формальных критериев для различения омонимии, полисемии и синкретизма Н. Г. Кузнецова не предлагает, хотя неоднократно обращается к данным понятиям). Когда речь идет о функционировании какого-либо языкового элемента, необходимо помнить знаменитый парадокс Шарля Балли: «Языки непрерывно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь». И далее: «В любой момент своего существования они представляют собой продукт временного равновесия. Следовательно, это равновесие является равнодействующей двух противоположных сил: с одной стороны, традиции, задерживающей изменение, которое несовместимо с нормальным употреблением языка, а с другой, — активных тенденций, толкающих этот язык в определенном направлении». Такими движущими факторами могут быть явления периферии или асимметричные явления в языке, что, как справедливо отмечает Н. Г. Кузнецова, не одно и то же (более того, асимметричные явления возможны и в центре, и на периферии).

Хотя автор исследования и постулирует свое обращение к анализу периферии, делает она это не регулярно и не четко: нигде не оговорено, по отношению к чему (морфеме, слову, словоупотреблению и

т.д.) и к какому объему материала высчитывается процент периферийного явления.

Более внимательно Н. Г. Кузнецова анализирует асимметрию в глагольной системе. Однако, чтобы судить об асимметричных явлениях, необходимо представить себе явления симметричные, по отношению к которым и выделяется асимметрия. Под асимметрией, судя по всему, понимаются явления разного рода, которые нигде не перечислены и не сведены в единое целое (что затрудняет восприятие анализа изменений в глагольной парадигме, происходящих под влиянием асимметричности). Так, на с. 236 автор пишет: «Асимметрию системы представляют ... случаи неодинакового строения парадигмы у конstituентов одной категории». Понятием парадигма Н. Г. Кузнецова оперирует постоянно, но нигде не объясняет, в каком из трех значений (см. Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1984, с. 366) употребляется это слово, и нигде не указывает в явном виде, какие категории входят в нее. Если парадигма должна включать словоизменительные категории, то необходимо пояснить, почему в нее вводятся такие несловоизменительные категории, как вид и сопутствующие ему семантические модификации — способы глагольного действия (совершенности), транзитивность / интранзитивность и другие категории залогового характера (это проясняется лишь в «Заключении»). Другой пример. В парадигмах императива и адхортатива, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции. у адхортатива нет 2-го и 3-го лиц, у императива — 1-го лица. Этот факт в равной мере можно интерпретировать и как одну категорию (наклонение императива) с дефектностью парадигмы в плане содержания, и как два наклонения с дефектностью в плане выражения в обоих наклонениях. Подобные разночтения возможны в силу того, что автор не указывает, на основании каких критериев она различает полисемию и омонимию и почему нельзя говорить о многозначности императива, собственной 1-му, 2-му и 3-му лицам. Конечно, с точки зрения теории асимметричного дуализма все случаи отсутствия в знаке параллелизма плана выражения и содержания будут асимметрией знака, но каждый подобный конкретный случай должен быть объяснен особо, а для нагляд-

ности хорошо бы дать в работе парадигму селькупского глагола (в абстрагированном или явном виде) с указанием на пропуск словоформ в парадигме и на случаи грамматической омонимии, полисемии и синкретизма.

К счастью, нечеткость в изложении теоретических установок не оказала существенного влияния на сам ход исследования, поскольку Н. Г. Кузнецова блестяще владеет материалом и интуитивно безошибочно устанавливает направленность наметившихся изменений в глагольной парадигме.

Практические главы (2—7) представляют собой добротный анализ материала с особым объектом описания в виде отклонений любого типа в селькупской глагольной системе.

Во второй главе «Несловоизменительные категории» (с. 39—64) автор подробно рассматривает вид и совершенности (способы глагольного действия) в парадигме селькупского глагола как в плане содержания, так и в плане выражения; особо она останавливается на процессе образования видовых пар. При установлении видового значения южноселькупских глагольных основ автор выяснила, что видовая характеристика может даваться, исходя из семантики действия: так, глаголами несовершенного вида являются глаголы состояния, глаголы ненаправленного движения, глаголы определенных совершенностей (узальной, итеративной, собственно имперфективной и т.д.), которые передают неограниченное в своем развитии действие независимо от определенности или неопределенности производящих основ.

В параграфе об образовании видовых пар указывается на периферийный способ видообразования с помощью супплетивных основ (с. 58). К сожалению, говоря о том, что этот способ охватывает менее 1% случаев, автор не поясняет, как данный процент установлен. Подобное замечание относится и к другим аналогичным случаям квантитативной оценки и обработки того или иного периферийного явления (см. с. 219, 239; лишь на с. 195—196 количественная оценка дана корректно).

В этой же главе Н. Г. Кузнецова рассматривает корреляцию вид — переходность / непереходность, касается вопроса о происхождении категории вида в селькупском языке, отмечая коренное различие в

формировании видовых классов селькупского глагола и глагола в славянских языках.

Третья глава «Несловоизменяемые категории: переходность / непереходность» (с. 65—98) посвящена субкатегориям залогового характера (транзитивности / интранзитивности, рефлексивности и пассивности). Об асимметричных явлениях в области возвратности и пассивности не упоминается, но остается неясным, чем это вызвано: тем ли, что асимметрия отсутствует, или какими-то иными соображениями.

Если вторая и третья главы могли быть объединены в одну под названием «Несловоизменяемые категории», где речь идет о категории вида и субкатегориях залогового характера, то пятая, шестая и седьмая главы представляют анализ словоизменяемых категорий селькупского глагола в двух смыслах — в узком понимании (категории лица и числа — глава 5) и в более широком понимании (категории наклонения и времени — главы 6 и 7). Все три главы объединяет начало названия «Категория репрезентации...» (далее следует расшифровка, какая именно категория). Эти три главы, по моему мнению, должны быть отделены от четвертой, тоже названной «Категория репрезентации», в которой говорится об адъективных и субстантивных функциях и словоформах инфинитных форм селькупского глагола. Благодаря именно этим репрезентативным категориям возникает шкала непрерывной переходности от имени к глаголу. В итоге структура всей работы могла бы быть сведена к пяти главам: 1-я — теоретическая, 2-я — о несловоизменяемых категориях, 3-я — о категориях, сближающих существительное и глагол, 4-я — о словоизменяемых категориях и 5-я (подытоживающая анализ) — о реконструированной общеселькупской глагольной модели, полученной с помощью изучения разного рода нерегулярностей в глагольной системе (по терминологии автора, — асимметричных явлений) по всем диалектам.

В четвертой главе «Категория репрезентации» (с. 99—135) выделена, как уже говорилось, категория адъективной и субстантивной репрезентаций. Асимметрия в рамках адъективной репрезентации (т.е. причастий), по мнению Н. Г. Кузнецовой, заключается в том, что формальным про-

отивопоставлениям по категории временной соотнесенности (по другой терминологии — таксиса) не всегда соответствуют содержательные (с. 110); есть ли асимметричность в проявлении других глагольных категорий и есть ли они вообще у причастий, ничего не говорится. Здесь уместно вспомнить, что селькупский язык во многих отношениях — язык с невыраженной морфологией: некоторые категории (напр., непереходность) нередко (хотя далеко не во всех диалектах в настоящее время) выявляются лишь через возможность гесп. невозможность образования тех или иных причастий от соответствующих глаголов. В свою очередь причастия, образованные от переходных глаголов, способны выступать и в активном, и в пассивном значениях, но это противопоставление выражается только синтаксически, а не морфологически. Невольно напрашивается вопрос (на который ответа нет), что и по отношению к чему будет в данном случае асимметрично.

Аналогичные вопросы возникают и при обсуждении примеров субстантивной репрезентации.

Очень интересна небольшая по объему пятая глава «Вербальная репрезентация: категория лица и числа» (с. 136—158). Глубоко продуманным является утверждение автора о том, что «нет оснований для семантического противопоставления персональности и посессивности в конструкциях с глагольными и отглагольными формами. Вопрос о предикативности (персональности) и не предикативности (посессивности) таких конструкций не может однозначно решаться в пользу последней лишь на основании формальных признаков категории посессивности. Решение должно приниматься с учетом темпоральности, модальности и других глагольных категорий для каждого конкретного языка» (с. 137).

В шестой главе «Вербальная репрезентация: категория наклонения» (с. 159—197) очень подробно рассказывается об изменениях в системе наклонений глагола и его инфинитных форм в разных диалектах, о путях объединения одних наклонений и расщепления других, о значительной асимметричности системы наклонений южноселькупского глагола в плане содержания, о семантической и функциональной транспозициях одних наклонений в сферу употребления других и т.п. По наполненности

материалом и глубине анализа это одна из лучших глав в работе. Но и здесь можно поспорить с автором. Н. Г. Кузнецова приводит так много примеров асимметрии в системе глагольного наклонения, что невольно задаешь вопрос, а в чем, собственно говоря, заключается симметричность в сфере наклонения. И как ее следует выделять — отдельно для каждого диалекта или обобщенно-гипотетически для языка в целом, т.е. только для восстанавливаемой общеселькупской модели глагольной системы. В этой главе четко представлена структура парадигмы категории наклонения в селькупских диалектах южной группы, подытоженная удачной матрицей на с. 163.

В седьмой главе «Вербальная репрезентация: категория темпоральности» (с. 198 — 234) исследуется категория времени. Не совсем ясно, почему именно она завершает список анализируемых глагольных категорий; представляется более разумным начинать анализ глагольных категорий со словоизменяемых категорий, а завершать рассмотрение глагольной системы анализом несловоизменяемых категорий, но, видимо, автор следует своей внутренней логике, позволяющей разворачивать изложение именно так, а не иначе.

Наконец, последняя, восьмая глава «Асимметричные явления и развитие селькупского глагола» (с. 235—266) подводит итог анализу всех глагольных категорий и происходящих в них под воздействием языковой асимметрии изменений. Именно в этой главе обсуждается гипотетическая общеселькупская модель глагольной системы и внутриязыковые факторы развития селькупской глагольной парадигмы: изменения на фонологическом уровне и их отражение в парадигме, полипредикативный синтаксис и развитие парадигмы глагола. Сопоставление глагольных систем по диалектам позволило автору подтвердить предположение о том, что маркерами новых времен и наклонений в самодийских языках постепенно становились суффиксы отглагольных образований, «которые в зависимости от синтаксической позиции выступали как представители то класса имен, то класса глаголов, получая при этом соответствующие морфологические характеристики» (с. 257).

Н. Г. Кузнецовой впервые удалось вскрыть самый механизм развития само-

дийских финитных и инфинитных форм на базе глагольных имен, чему способствовало изучение функционирования парадигматических форм глагола в полипредикативных конструкциях и в структуре независимого предложения.

В «Заключении» (с. 267—275) автор предлагает рассматривать общеселькупскую модель глагольной системы как исходную для современных диалектов, считая, что если основной линией развития селькупской глагольной системы является развертывание морфологических противопоставлений, то предельное расширение парадигмы глагола характерно для тазовского диалекта, состояние глагольной системы которого и будет конечной моделью (с. 275).

Не исключено, что это оказалось возможным в силу известной изолированности данного диалекта в отличие от южных селькупских диалектов, которые испытали на себе ранее влияние сначала тюркских языков, а затем и русского. С этой точки зрения изучение языковых контактов, чего автор не делает, могло бы, вероятно, пролить дополнительный свет на исследуемую проблему.

Если тазовский диалект селькупского языка считать «конечной моделью» его развития, то возникает вопрос: в каком же направлении должна развиваться дальше глагольная система селькупского языка, сильно разрушенного в настоящее время (особенно это касается южных диалектов), и не будет ли тазовский диалект утрачивать имеющиеся пока в нем многочисленные морфологические противопоставления, снижаясь до уровня южных диалектов, уже не имеющих их. Ведь известны многие языки, которые, усложнившись по сравнению с эпохой праязыков, начиная с какого-то момента, снова морфологически упрощались.

Завершая рецензию, хочу отметить, что большинство замечаний касалось не того, что о утверждает автором, а того, к чему (несколько расплывчато, а потому и двусмысленно) об этом говорится.

Наиболее значительными итогами работы считаю следующие:

1) сравнивая глагольные системы по всем диалектам, Н. Г. Кузнецова выявила их сходные и различные черты, заложив основы изучения современной селькупской диалектологии как особой дисциплины;

2) автор не ограничивается данными только уральских (т.е. финно-угорских и самодийских) языков, а проводит параллели между уральскими, индоевропейскими, алтайскими языками, намечая возможные пути синхронно-типологических исследований;

3) на основании синхронного исследования Н. Г. Кузнецова сделала смелую попытку реконструировать общеселкупскую модель глагольной системы, адекватность которой истинной и пока еще никем не установленной модели покажет будущее.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

DAS FINNISCH-UGRISCHE STUDIENFACH AN EUROPÄISCHEN UNIVERSITÄTEN (KONFERENZ IN JYVÄSKYLÄ, 18.—19. MÄRZ 1996)

Gegenwärtig gibt es in zehn Ländern Europas ein Universitätsstudium für Finnougristik: in Ungarn (Budapest, Debrecen, Pécs, Piliscsaba, Szeged), in Finnland (Helsinki, Turku), in Estland (Tartu), in Rußland (Moskau, sowie Iževsk, Joškar-Ola, Saransk, Syktyvkar), in Deutschland (Göttingen, Hamburg, München), in Österreich (Wien), in Schweden (Uppsala), in Norwegen (Oslo), in den Niederlanden (Groningen) und in Italien (Florenz).

Das Hungarologische Institut der Universität Jyväskylä hat als Gastgeber des jüngsten finnougrischen Kongresses in Zusammenarbeit mit dem Finnisch-ugrischen Institut der Katholischen Universität Péter Pázmány in Piliscsaba (Ungarn) für das Frühjahrssemester 1996 eine zweitägige Sitzungsperiode organisiert. Mit der Vorbereitung und richtungsweisenden Leitung dieses Symposiums hatten die finnischen Veranstalter (mit dem Vorsitz des Organisationskomitees) den Leiter des erst 1993 gegründeten Finnisch-ugrischen Instituts in Piliscsaba — zugleich Verfasser dieses Berichts — betraut. Seit Spätherbst des vorigen Jahres gingen einige Rundschreiben an die Vorstände der finnisch-ugrischen Lehrstühle der entsprechenden europäischen Universitäten, wobei die im ersten Rundschreiben erbetenen Unterlagen und Materialien über die Studienpläne der einzelnen Institute in verkürzter Form dem dritten Rundschreiben beigefügt wurden; insgesamt enthielt diese Beilage Informationen über 16 Lehrstühle, und damit sollte den Teilnehmern die Vorbereitung auf das bevorstehende Symposium erleichtert werden. Den fachlich interessierten Teilnehmern, die zur Konferenz nach Jyväskylä

anreisten, stellte man an Ort und Stelle noch weiteres Material zur Verfügung, wie z.B. Studienpläne für Ungarisch und Finnisch einiger Universitäten sowie als nützlich erachtete Informationen über die akademische Praxis der ungarischen Universitäten (Thematik, Thesen- und Literaturnachweis der Rigorosa, Examina in Finnougristik, Studiengang und Literatur über finnisch-ugrische Syntax, Lehrthematik der finnischen Sprache für Studenten der finnisch-ugrischen Philologie, finnisch-ugrische Anforderungen an Studenten des Fachs Ungarisch).

Das rege Interesse an der Konferenz läßt sich daran messen, daß insgesamt 22 Vertreter von akademischen Institutionen und Instituten für Finnougristik aus 9 europäischen Ländern teilnahmen. Diesen schlossen sich noch sechs Studenten der Fächer Ungarisch und Finnisch an. Im folgenden soll der Verlauf und die Thematik der Konferenz kurz zusammengefaßt werden. Dies geschieht in der Hoffnung, daß das gesamte Material in vollem Umfang und in absehbarer Zeit beispielsweise in der Reihe *Hungarologische Beiträge* in Finnland erscheinen wird.

In Eröffnung des Symposiums wurde zweier verdienter Fachkollegen gedacht, die der Tod kurz vorher plötzlich aus unserer Mitte gerissen hatte. Die menschlichen, wissenschaftlichen und organisatorischen Verdienste des namhaften und populären Finnougristen Wolfgang Veenker wurden von Holger Fischer (Hamburg) und László Keresztes (Oslo) gewürdigt. Über das, bleibende Lebenswerk des bekannten Hungarologen Károly Ginter fand Klára Korompay (Paris) würdige Worte.